

ОТДѢЛЪ II.

О причитаніяхъ и плачахъ, записанныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 13 марта 1892 г.)¹⁾.

Иванъ Аникіевичъ Касьяновъ пѣніемъ своимъ доставилъ намъ возможность ознакомиться изъ непосредственнаго источника съ нѣкоторыми образцами былинной русской народной поэзіи. Въ Олонецкомъ краѣ, откуда прибылъ къ намъ Касьяновъ, имѣется не мало представителей этой поэзіи, слывущихъ подъ именемъ сказителей. Много прослушалъ ихъ въ 60-хъ годахъ П. Н. Рыбниковъ; А. Ф. Гильфердингъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ 1871 г. записалъ 318 былинъ съ голоса 71 пѣвца; при посѣщеніи лишь части Олонецкаго края въ 1886 году мнѣ удалось въ нѣсколько дней прослушать до 10 пѣвцовъ. Не первые это пѣвцы и, надо надѣяться, не послѣдніе; при сочувственномъ отношеніи и поощреніи со стороны ученыхъ и собирателей, особенно сказавшемся въ теченіе послѣднихъ десятковъ лѣтъ, быть можетъ, и молодое крестьянское поколѣніе съ подобающимъ уваженіемъ отнесется къ этимъ памятникамъ исконной старины, и, при заботливости стариковъ, восприметъ ихъ для передачи въ свою очередь дальнѣйшему потомству; такая преемственность возможна и въ наши дни, въ чемъ я могъ убѣдиться, прослушавъ на мѣстѣ нѣсколько былинъ отъ Ив. Троф. Рябинина, перенявшаго ихъ отъ покойнаго отца своего Троф. Григорьевича; мнѣ извѣстно также, что и внукъ этого сказителя Ив. Степ. Рябининъ перенялъ былины своего дѣда. Такимъ образомъ можно желать и надѣяться, что долго еще не изсякнетъ на Руси эта замѣчательная отрасль поэтическаго слова русскаго народа, сохраненіемъ которой онъ смѣло можетъ гордиться въ средѣ другихъ народовъ.

Не менѣе древними по своему происхожденію, не менѣе важными и интересными въ поэтическомъ отношеніи являются произведенія, въ которыхъ народъ выражаетъ непосредственное чувство и отношеніе свое къ событіямъ, по сравненію съ былинами, болѣе частнаго характера, по преимуществу въ кругу семейной жизни, имѣющимъ болѣе или менѣе рѣшающее вліяніе на судьбу отдѣльныхъ лицъ и ихъ семействъ; къ этому роду произведеній относятся причитанія и плачи, извѣстные на сѣверѣ подъ общимъ именемъ: «*причетъ*». Хранительницами этого рода поэзіи являются исключительно женщины, по преимуществу пожилыя, обладающія большою памятью, звонкимъ голосомъ и твердымъ знаніемъ до мельчайшихъ подробностей всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся семейныхъ обрядовъ, въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ они изстари ведутся на Руси. Обладаніе такими качествами создало особыхъ специалистовъ, такъ называемыхъ на сѣверѣ «*стиховодницъ*», безъ авторитетнаго участія которыхъ не обходятся ни свадьба, ни похороны, ни рекрутскій наборъ. Благодаря строгому отношенію стиховодницъ къ своимъ обязанностямъ, самый сложный изъ обрядовъ—свадебный—на долго еще можетъ сохранить свою первобытную чистоту неприкосновенною отъ пришлыхъ городскихъ

¹⁾ Въ этомъ засѣданіи крестьянинъ Олонецк. губ., Петрозаводск. у., с. Космозера Н. А. Касьяновъ пропѣлъ нѣсколько былинъ.

новшествъ. Стиховодницы причитають стихи, строго примѣняясь къ каждому данному случаю, при чемъ, сохраняя неизмѣнными опредѣленный мотивъ и общія мѣста въ текстѣ стиховъ, относительно частныхъ подробностей тутъ же сочиняють новые стихи, вполне соответствующіе окружающей обстановкѣ и характеру тѣхъ лицъ, которымъ причитають. Мелодія довольно разнообразна, но имѣють одинъ общій характеръ, заключающійся уже въ самомъ названіи этого рода поэзіи причитаніями или плачами; во всякомъ случаѣ это плачь съ членораздѣльно и явственно произносимыми словами на извѣстный ладъ, опредѣляемый каждымъ случаемъ и сопровождаемый воплями и рыданіями окружающихъ, близко заинтересованныхъ людей, въ общемъ производящій крайне веселое, удручающее впечатлѣніе на человѣка посторонняго, даже и при такомъ веселомъ, повидимому, событіи, какъ свадьба.

Такимъ общезвѣстнымъ болѣе или менѣе черты причети; но нигдѣ, кажется, онѣ не проявляются съ такой отчетливостью и постоянствомъ, какъ въ Олонецкой губерніи; едва-ли гдѣ найдутся стиховодницы, какъ напр. Арина Федосова, изъ Кузаранды, Петрозавод. у. въ Заонежьи, хранящая въ своей памяти ту массу причитаній, которыя составили солидный сборникъ Е. В. Барсова ¹⁾ и легли въ основу труда г-жи Агреневои-Славянскои объ Олонецкой свадьбѣ ²⁾; къ сожалѣнію отъ этой стиховодницы обстоятельства позволили мнѣ записать лишь одну свадебную пѣсню; причеть же я записалъ отъ двухъ другихъ стиховодницъ, пользующихся большою извѣстностью въ крестьянской средѣ — это Аксинья Плотникова изъ д. Объяльщины Великогогубск. вол. Петрозавод. у. п. Прасковья Мошина, изъ д. Завьяловой, Шунгской вол. Повѣпецк. у. Отъ первой мною записаны образцы причети свадебной, отъ второй — свадебной же, похоронной и рекрутской. Всѣ онѣ характеризуются стройностью стиха и опредѣленной мелодіей, при чемъ нѣкоторымъ разнообразіемъ отличаются лишь мелодія свадебной причети, похоронная же и рекрутскія монотонны и трудно поддаются нотной записи; языкъ причети обладаетъ поэтической образностью и обиліемъ эпитетовъ, носящихъ нерѣдко чисто мѣстный характеръ. Позволю себѣ для примѣра привести нѣсколько образцовъ. Вотъ начальныя стихи свадебной причети, которая заводится, «какъ просватають дѣвушку, глаза перекрестягъ»:

Мнѣ-ка смѣть-ли красной дѣвушки
Пропустить да и зыцѣнь гѣлосокъ
Во хоромноймъ строеници,
У жаланныхъ моихъ родителей,
У ростителя у татиньки,
У родимой у маменьки:
Вы не дуйтесъ огни плящѣ,
Не гори-тко ты, луцина сосновая,
Не зажигайся-ко, свѣща негоплѣная,
Не здымайся, права рупенька
У жаланныхъ родителей
Бить плотного рукобитьця!
Я повороцуюсь, невольна красна дѣвушка,
Отъ стола дѣвушка и отъ дубового
Я ко своимъ жаланнымъ ко родителямъ:

Глупо сдѣлала, невольна красна дѣ-
вушка,
Я сама била плотного рукобитьця.
Я не гнѣваю жаланныхъ родителей:
Вы послушайте, жаланные родители,
Што вѣдь я скажу невольна красна
дѣвушка:
Отъ стола люди расходятся,
Отъ вѣнца-то развѣзжаются.
Вы роздумайте-ко эту крѣпку думушку,
Поразрушайте плотного рукобитьця;
Нуньку дѣвушка схватилася:
Я назадъ-бы воротилася
Ко жаланнымъ родителямъ.
и т. д. ³⁾.

Или вотъ нѣсколько стиховъ, которыми невѣста послѣ просватанья приглашаетъ своихъ родственниковъ на «красну свадьбу», которая въ то же время и «слезливое ширваньце», потому что тутъ совершается разлука съ вольной волюшкой:

¹⁾ «Причитанія сѣвернаго края».

²⁾ «Описание русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями: обрядными, гѣлосвальными, причитальными и завывальными», въ 3 ч. М. 1887.

³⁾ Полный текстъ войдетъ въ послѣдующее музыкальное изданіе.

Вы гостите-ко на оу красну свадебку,
На слезливой мое да перованьиче,
И на розлукушку, на вольню мою волюшку,

И на розчѣсть да мою младую головушку,
И на розбивь да мою русу кобуску.
и т. д. ¹⁾.

Вот наконец причеть, посвященная банѣ, въ которой и совершается собственно разлука съ дѣвичьей волею, олицетворенною здѣсь и съ проклятиемъ улетающею отъ невѣсты:

Отпустите въ теплу парну меня баенку,
Ужо дайте-ко мнѣ мылье съ умываньень,
И тонку бѣлую рубашецку,
И отъ терема до бѣрега
Все мосты дубовые,
Столбьяки тощѣные.
Градошкн кленовые;
Ужо дайте-тко братцевъ ясныхъ мнѣ-ка
соколовъ;

Вы возьмите-ко оружье заряженое,
Вдругихъ-же пистолеты зарукавные,
Занарядь клади по фунту цѣрна пороку
Какъ подъ этыи подъ мостики дубовныи.
Какъ у этого цюжя сына отецьково
Есь подкопаны подкопы сорока сажонъ
И закацѣны бошцы сорока ведѣрь
И со лютыишъ со зельешъ цѣрнышъ поро-
хомъ.

Истребить дала я вольню свою волюшку,
Идуцй да въ эту парную я баенку.
Прихожу я къ теплопарной ко баенѣ:
Не въ баенку меня да отделили,
Столько съ волюшкой съ красной да роз-
луцили!
Какъ зашла я въ теплу парну эту баенку,—

Моя волюшка съ головушки видаласе,
Во мѣдноешъ тазу въ воды купя-
ласе.

А со тазнику во каменку бросаласе,
Говорила подневольней красной дѣ-
вушки:

Будь да проклята, душа да красна
дѣвушка!
Сиротать да будѣ вольней пойти во-
люшки!

Роскатись-ко, тепла нариа теперъ
баенка,

По единому по малому бревѣшецку!
Полепю я теперъ вольна волюшка
Во цѣстое въ широкое во полюшко;
Я повыберу видъ въ поли деревин-
ноцку,

Саму горькую высокую осяноцку,
Я сяду видъ на саму на вершиноцку;
Будуть вѣтрушки теперъ да повивати;
Воля вольная вѣкъ свой да горевати,
И сердцецшко мое да тосковати,
И больше волюшки — меня вамъ не
видати!

(Село Шуньга, Повѣн. у., Олонек. г.)

Вотъ причеть похоронная, при оплакиваніи маленькаго до 10 лѣтъ:

Какъ пустили въ домъ вы скорую смере-
тушку?

А не нищей-ли каликой перехожейей?

А не славнышъ-ли бурлакомъ петербур-
скиишъ?

Не приѣхаль вѣдь родитель батюшко
Со цюжой со дальней со сторонушки;
Нѣту при доми надѣжи свѣта батюшки.
Допустили въ домъ вы скорую смере-
тушку!

Я бы видла скорую смеретушку,
Не отдала бь болѣзно свое дитятко.
Не спросила бы да вѣдь болѣзная,
Какъ душа да съ бѣлышъ тѣлошъ раз-
стается.

Были заперты косовицаты окошечки,
Призложены новы сѣни рѣшешцаты;

Да откуль зашла видъ скорая смеретушка?

Кабы видла я круцинная головушка

Во домѹ злу скорую смеретушку,

Откупила золотой казнай безсцетною,

Обсадила вокругъ жемцѹгомъ перебра-
ныишъ,

Поизнавѣсила бы цвѣтныишъ пардйшець-
комъ

И не отдала болѣзно свое дитятко.

Мнѣ-ка не мила домѹва своя жирушка,

Вся любимая дворовая скотинушка,

Столько осталось бы болѣзно при мнѣ
дитятко!

Ужь ты стань, возстань, болѣзно мое
дитятко,

Ужь ты стань, возстань ко кушаньяишъ
сахарниишъ,

¹⁾ Полный текстъ войдетъ въ послѣдующее музыкальное изданіе.

И ко пѣтвцамъ медовымъ.
У насъ справлено видъ кушанье сахарнее
И приготовлены видъ пѣтвца медовы,
И вся видъ собрана порода именитая
И проводить тебя, скацѣная жемцюзинка,
И на второе-то на оное пришествіе,
На вѣковѣцнѹ на тосвѣтнѹ на жи-
рушку.
И на явѹ-то ты намъ больше не объ-
явисье,
И во сняхъ-то ты намъ больше не пока-
жисье!
Попрошу оцѣ, болѣзно, тебя, дятятко,
Не уприсишь-ли Владыку Царь-Небесного:
Ты не прїдешь-ли въ домову нашу жи-
рушку,

Позволю себѣ привести еще плачь по отцѣ семейства:

Я цѣгѣ сязу, круцинная голушка!
Попуститъ было горюшниця
Не складнее да не умилнѣ прицитаньцѣ!
Штѣ же сдѣлалось въ домовой нашей
жирушки?
И прихожу какъ ко крылецкѹ ко пе-
реному
И прироссыпалось пилѣное крылецкѹ,
И на слезахъ стоятъ косецяты окошечки,
Прикруцинивши хоромно пристроеньце...
Штѣ же сдѣлалось въ домовой нашей
жирушки?
Какъ не стало у насъ законной семеюшки
Уже вѣшого родитель-батюшка!
Ужъ какъ станемъ жить въ домовой на-
шей жирушки
Безъ своей милыйзаконной семеюшки!
Какаъ безъ вашего родителя, безъ батюш-
тѹшки,
Убивать да ставятъ буйны вѣтерочки,
Обижать да будутъ добры людюшки!
Отг вѣтруска нѣту заборонуска,
Отъ дѣварныхъ отъ лѣдушекъ заступуска.
Вы послушайте, сердцны мои дѣтүшки,
Намъ гдѣ оно великое желаньцѣ.
Ужо доброе да намъ да добродумьцѣ?
И приклоните ко вы млѣдця голушкы
Ко жаланному спадивому ко дядюшки,
Онъ не вложитъ ли великово желаньця
До васъ, многокруцининыхъ голушекъ?
И послѣ своего родителя вамъ батюшки
И не будетъ вамъ крещенскїихъ покупо-
цекъ.
И не буетъ вамъ христовскїихъ обново-
цекъ.

Во сердценое любнѣе гостинищѣ.
Засмотритъ-же насъ круцининыхъ голо-
вушкѣ,
Къ намъ по вечеру поздѣхонько,
И по утришку ранехонько;
Ты въ день прїди по красному по сол-
нышкѹ,
Въ вечеру пойдѣ по свѣтлому по мѣсяцѹ,
Всю роздїй тоску великѹ круцинушкѹ;
Штѣ не броситъ бы домѣон намъ жи-
рушки
Со этой со великой со круцинушкой!
Поосталась безъ великого призравнїя
Сирота ль да безъ болѣзного безъ ввудята.
(Село Шуньга, Повѣн. у., Олонецк. г.)

И будутъ мїромъ да на васъ видъ на-
ступать,
Отправлять то васъ во службу госуда-
реву.
Ужъ какъ нѣту въ живности родитель-
батюшки,
Не заступитъ въ волостномъ да во пра-
влевьши,
Не уприситъ видъ властей да милосерд-
ныхъ.
Какъ да тошнѣхонько, законная семеюшка!
Вся сторѣла бы домова наша жирушка,
Какъ вся пала бы дворовая скотинушка!
Штѣбы въ гѣсъ срослись поля да хлѣ-
бородны!
И водой снесло дуга да сѣнокосны!
Столько была бы законная семеюшка!
Снѣ выроситъ бы сердцечныхъ васъ
дѣтүшокъ;
Я вполнѣ была въ домовой бы жирушки,
Въ удовольствїи съ законной семеюшкой,
На удивленье многїмъ да людюшкамъ,
А какъ нѣнѣцко тепѣрюшка
Сиротать поидежъ, сердцечны малы дѣ-
түшки.
Безъ вашего родителя безъ батюшка!
Розберуть да васъ по службамъ госуда-
ревымъ,
И пооставите круцину мѣя голушкѹ
Безъ призравнїя, горюху горегорькѹ!
Прощай, прости, законная семеюшка!
Какъ послѣ тебя, законная семеюшка,
Всякой день будѣ въ голушки мѣшатца,
Безвремѣнно бѣлыи свѣтъ да видѣ-те-
рѣтца,

Какъ со этой со великой со круцинушки
Мнѣ во темноемъ лѣсу да заблудятца!
Аль мнѣ пасть да въ кругло малое озе-
рушко!

Какъ во этомъ кругломъ малоемъ озе-
рушкѣ

Остается упомянуть о причитаніи рекрутскомъ, гдѣ между прочимъ есть намекъ на нѣкоторую разницу между наборами прежняго времени и нынѣшнимъ: тогда легче можно было откупиться; вообще-же стихъ рекрутскій не изображаетъ особенныхъ тягостей военной службы; очевидно, онъ уже принаровленъ не къ прежней рекрутчинѣ, а къ нынѣшней воинской повинности:

Ужь вы слушайте, сердечнымъ мон дѣ-
тушки:

Собираютца да видь все люди добрые
Въ это волостное да видь правление
Да ѿ во славную во службу государь-
скую

Да ѿ во этии солдаты новобранные.
Ужь вы слушайте, сердечнымъ мон дѣ-
тушки:

И хорошо бы жить во службы въ госу-
дарскоѣй,

И да не вамъ бы сиротамъ да достава-
лосе:

Какъ пріотняли купцы да именитые,
Либо славные крестьяна да прожитные,
Отредили бы сердечныхъ своихъ дѣту-
шекъ.

И ужо вамъ теперь, сердечныхъ моихъ
дѣтушокъ,

Пріотпустятъ въ города да въ Повѣнец-
кин

Да ѿ ко этимъ ко жѣребьямъ казен-
нымъ,

Да снимать видь будутъ русые кудѣ-
рушки.

Проклинать будѣшь родимую сторонушку,
Забывать будѣшь жаланныхъ родите-
лей.

Ужь какъ допрежь сего, до этой поры
временька

Залагали видь домову свою жирушку,
Продавали видь игривую скотинушку.—

Оставались на ватуцемъ сивемъ камушкѣ.

Будуть луды ¹⁾ видь теперъ да недвигу-
ци,

Будуть камушки на нихъ да неватыци,
Со моеѣ тоски великоѣй круцинушки.

(Село Шуньга, Повѣн. у., Олон. губ.).

Нунеча видь не берутъ золотой казны
безсметныя,

А берутъ удалыхъ добрыхъ молодецвъ
И отлучаютъ отъ домовой своей жи-
рушки,

Отъ лавоцекъ видь насъ да отъ торго-
выныхъ,

Отъ улицекъ видь насъ да отъ торго-
выныхъ.

Насъ не въ славныи бурлаки петербур-
скіи,

Везуть насъ во солдаты новобранныи.
Сиротать пойдуть жаланныи родители,
Тосковать будѣ все родъ-племе сердеч-
ное!

И оружьеце дають да намъ военное
И платьице дають да намъ казенное.

Забывать да намъ родимая сторонушка,
Ужо вся наша прохладна красна жи-
рушка

И вся гульба наша молодецкая!
Вы прощайте-ко, жаланныи родители,

И прижьтцайте насъ во платьици казен-
ноемъ,

Съ оружьецомъ видь насъ да со военнымъ,
Не при теплыхъ при куньихъ шубонь-
кахъ.

Вси прощайте-ко, поля да хлѣбородныи,
Зелѣныи луга да сѣнокосныи,

Во гуляныи насъ, души красны дѣвушки,
При компаньицы, дородны добрыи молодцы,

И теперъ всей прощай насъ, вольныи во-
люшка!

(Село Шуньга, Повѣн. у., Олон. губ.).

Такова причеть въ Олонецкой губерніи.

¹⁾ Подводныя скалы.

Такой же въ общемъ характеръ и причети Архангельской; но при обширности этой губернии, при разнообразіи географическаго положенія различныхъ частей ея и связанныхъ съ нимъ условій быта, которыя безъ сомнѣнія отражаются и на поэтическихъ произведеніяхъ, тамъ можно встрѣтить и рѣзкія отклоненія отъ указаннаго общаго характера; такъ напр. поморы—обитатели побережья Бѣлаго моря, исключительно своимъ занятіемъ имѣютъ рыбные промыслы; съ наступленіемъ весны все мужское населеніе этихъ мѣстностей отправляется на Мурманскій Берегъ, гдѣ и промышленно до поздней осени, подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ, сопряженнымъ съ ловлею рыбы въ океанѣ на маленькихъ судахъ, часто на большомъ разстояніи отъ берега. Не проходитъ года безъ того, чтобы нѣсколько поморовъ не сдѣлались жертвою Мурманскихъ промысловъ; частью гибнутъ отъ бурь, частью отъ болѣзней, быстро развивающихся при неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ. Женское населеніе, съ нетерпѣніемъ дождавшись осени, при появленіи перваго поморскаго судна выходитъ на взморье встрѣчать своихъ мужей и братьевъ и тугъ-то многія узнаютъ печальныя вѣсти о погибшихъ. Вопли и плачи оглашаютъ тогда селеніе. Велика радость однихъ, при свиданіи со своими, безусловно и тяжело горе другихъ, лишенныхъ даже послѣдняго утѣшенія—похоронить близкаго человѣка.

Такия условія, надо думать, создали особый видъ похоронной причети въ приморскомъ селеніи—Ворзгородахъ, Онежскаго уѣзда. При посѣщеніи этого селенія я не могъ здѣсь найти специалистки—стиховодницы, но за то каждая женщина, имѣвшая несчастье потерять кого нибудь изъ ближней родни, въ особенности же лишившаяся мужа, была уже и стиховодницей.

Четыре вдовы, еще молодыя женщины, оплакивали передо мной своихъ мужей, изъ которыхъ трое погибли на Мурманскихъ промыслахъ и одинъ былъ убитъ въ гор. Онегѣ, во время сборовъ на эти промыслы. Каждая стиховодница строго различала въ своей причети двѣ части: одну изъ нихъ онѣ называли «зачаломъ», гдѣ, послѣ общаго приступа, излагались иногда подробности несчастія и вторую часть «обидныя стихи», гдѣ изображались тяжелыя послѣдствія—вдовье сиротство.

Позволю себѣ привести образцы этой причети. Вотъ плачь по мужѣ, убитомъ въ Онегѣ:

З а ч а л о:

Ушолъ да какъ мой доброты да кор-
минець

За матушку то Онегу широкую,
На хорошенько то лённо судёнышко
Изъ своево то да теплого витого гнѣз-
дышка,

Ужъ увѣщаль мня вдову горегорькую:
Ужъ не надолоцько, говоритъ, поры ды
времени.

Три денёцька прошло поры ды времени;
Пріѣхаль, аль нѣтъ моя больша сѣзь го-
лубушка

Изъ за матушки ты Онеги широкіе?
Само спрашиваетъ у меня, да доклады-
вается:

Пріошелъ мое красно солнце угрѣвное
Во свой домъ да тепло витое гнѣздышко.
Испугалась я бѣдная вдова горегорькая
Стала середь то я теплого витого гнѣз-
дышка,

Безъ ума пала да безъ цвѣствія.

Стала по ранному то по утрѣнному ста-
ванью.

Ужъ поѣхала я, бѣдна вдова горегорькая,
За матушку ту Онегу широкую,
На хорошо то легко-лённо судёнышко;

Ступила я бѣдная вдова горегорькая
На хорошо легко-ленно суденышко:
Ходитъ маленько то сердечіе дитятко
Ужъ по хорошему то легко-ленному су-
денышку.

Спрашиваю бѣдна вдова горегорькая
Ужъ у маленького то сердечіе дитятка:
Ужъ пришелъ ли твое красно солнце
угрѣвное?

Ужъ сказало мало сердечіе дитятко:
Ужъ не пришелъ то красно солнце уг-
рѣвное!

Ужъ пошла то съ малымъ сердечынымъ
дитяткомъ

Ужъ ко цюжому то младу ясному соколу;
Пали вопали въ его ножки рѣзвые:

Ужь поиспн-во его тѣла бѣлого!
 Ужь пошелъ то ясенъ младъ крылатъ ды
 асенъ соколъ
 Со маленькимъ то сердечнымъ дитяткомъ,
 Искали два дѣнечка поры ды времени;
 Нашли то его тѣло бѣлое;
 Прибѣдена младая буйная гѣлова,
 Ужь пролита его кровь горячая
 Ужь моего то доброхота ды корминца,
 Раадроблѣно то его сердце ретѣвое!

(Причитала вдова Елиз. Вологина, с. Ворзогоры, Онежск. у., Архангельской губ.).

А вотъ плачь по мужѣ, погибшемъ на Мурманѣ:

З а ч а л о:

Що за чудо, що за диво!
 Ужь сегодня то по сегодняшнему дѣнечку
 Зазываютъ то меня бѣлую лебедь бездасную,
 Бездасную то вдову горегорькую
 Во гостъ милое гѣстѣище любимое!
 Ужь какая радость да веселье не малое?
 Що пришелъ мой равзе доброхотъ да кор-
 минецъ
 Отъ славнаго Питенбурха города,
 Со пецальна снѣга солонѣ моря,
 Отъ самого то отъ Мурманскаго берегу,
 Со нѣбнемъ со богасѣтвомъ богатынмъ?
 Ужь обробѣла я бѣдная вдова горегорькая,
 Ужь охъ безумная я нерозумная;
 Хоша умъ мой по буйной по гѣловы.
 Не бывать то тому туману со снѣгъ моря,
 Ужь не подняться маревы со буйнѣмъ
 вѣтромъ усильцивымъ;
 Ужь такъ же не придетъ мой доброхотъ да
 корминецъ!

О б и д н ы е с т и х и:

Ужь на кого то ты меня приставилъ
 Бѣдную горюшу бездасную!
 Ужь топерь какъ то я стану жить красо-
 ватися,
 Безъ тебя то мой доброхотъ ды корминецъ?
 Ужь у меня то у бездасной у лебеди
 Не съ тую не съ которую сторону
 Не пошла то у меня да не кормителя.
 Не доброхота у меня да не надѣщика!

Надо замѣтить, что специалистки-стиховодницы причитають отъ имени пострадавшихъ людей; при этомъ конечно не можетъ въ сильной степени сказаться непосредственное чувство. Совсѣмъ не то мы видимъ въ Ворзогорской причетѣ. Здѣсь слышенъ плачь въ истинномъ смыслѣ этого слова, не поддающійся никакой мелодіи, плачь, надрывающій душу, съ неподдѣльными проявленіями лично-переживаемаго горя. Не легко добиться плача по заказу отъ такой причетницы; «Обидно вѣдь больно плавать-то, вспоминать-то тяжко», говоритъ она при этомъ.

Такова причетъ ворзогорская, и какъ кажется, въ этомъ самомъ видѣ и должна представляться причетъ похоронная въ ея самобытномъ, коренномъ значеніи.

О б и д н ы е с т и х и:

Што думаю я своимъ умомъ разумомъ?
 Ужь какъ стану я бѣдна вдова горегорькая
 Дыжь безъ своего доброхота ды корминца?
 Ужь оставилъ малыхъ то моихъ сердечныхъ дѣтоцекъ,
 Ужь не оставилъ много то совнѣхъ, золотой казны.
 Ужь нахожусь я бѣдная вдова горегорькая
 Въ мѣрѣ да по мѣру по крещѣному.

(Причитала вдова Дарья Жолубова. Село Ворзогоры, Онежск. у., Арх. губ.).

Нѣ на ково положитесь понадѣйтесь!
 Не роду то у меня да не племени
 Не съ тую не съ которую сторону!
 Ужь приобрали хороше гладкіе роокосливы
 згодвица,
 Ужь приобидѣли меня бѣдную лебедь без-
 дасную.
 Обрали хороши ты цасты роспашны поля!
 Ужь топерь какъ то я стану жить горевати-
 тся,
 Ходить мѣрѣ по мѣру по крещѣному,
 Прибирать мѣрски ты кусоцьки поданные.
 Ужь топерь тошнехонько тошнеть ретѣво
 сердце;

Бѣжать горькія слезы гореція!
 Ужь какъ пойду то во дикіе суземки дре-
 муціе

Искать хорошей то коваль шелковѣй травы;
 Дакъ не вижу пути дорожки широкіе,—
 Такъ обидѣли пюжи млада ясные соколы
 Меня бѣдную вдову горегорькую.

Живу то я бѣдная бездасная горюша го-
 регорькая!

Ужь какъ подоспѣють скорби ты болѣзни
 тяжелые;

Лежу на холодной то пецьки кирипильные;
 Ужь не тошнтсе пецька кирипильная
 Цѣлую святу недѣлку семиденную!

(Причитала вдова Дарья Жолубова. Село Ворзогоры, Онежск. у., Арх. губ.).